

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

кандидат философских наук, доцент социологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина

Деятельностная перспектива в понимании общества: попытка деятельностно-структурного синтеза

Abstract

The article concerns a version of agency-structure synthesis as a methodology for the social dynamics understanding. Some epistemological limitation of M.Weber's social action concept is analyzed. Repulsing from the T.Parsons's idea about a voluntary character of the social action, a theoretical attempt to rethink the categories of social action and rationality from the voluntary point of view is undertaken. The thought about social action duality, which realizes itself in the dialectic of its concrete and abstract aspects, is conducted. The social practices are examined as reflecting the action and structure dialectic. A compelling and stimulating character of the structures is emphasized. It is argued that a moral social practice links structure and action into the subject determined indivisibility.

“Люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений” [1, с.531]. Эта точка зрения, определяющая суть Марксовской концепции общества и высказанная Ф.Энгельсом в письме к В.Боргиусу, на наш взгляд, не только не противоречит синергетическим принципам социальной динамики, но и очень созвучна с теми представлениями об обществе и процессах его изменения, которые развиваются в ряде современных социологических теорий. Эти теории в своей основе содержат идею общества как *самопроизводящейся реальности, эмерджентного продукта структуры и действий, социальной практики людей*. Данная идея объединяет такие разные современные теории общества, как теория “структуриации” Э.Гидденса, теория “социальных систем” Н.Лумана, теория “социальных акторов” А.Турэна, теория “социального становления” П.Штомпки, теория “двойного морфогенезиса” М.Арчер, конструктивистско-структуралистская теория “социальной практики” П.Бурдьё, теория “систем

правил” Т.Бёрнса и Х.Флэм и др. И несмотря на то, что между ними не достигнуто согласия в отношении понимания процессов самопроизводства общества, на их основе, с нашей точки зрения, может быть сформирована непротиворечивая *деятельностно-структурная парадигма* как модель постановки и решения проблемы динамики общества и процессов его самопроизводства. Цель данной статьи — сфокусировать внимание на деятельностно-структурной определенности общества, на понимании свободы и рациональности как интенциональных свойств социального действия, на значении кооперативных эффектов консолидированной способности к социальному действию в конкретном структурно-культурном контексте.

В социологической теории проблема отношения между действием и структурой рассматривается как одна из основных. Дебаты действие *versus* структура, объективизм либо субъективизм, свободная воля против детерминизма стары как мир, вместе с тем они и ныне находятся на острие социального теоретизирования и непрекращающихся социологических дискуссий. Однако традиционно в классической социологической мысли такого рода дискуссии велись в терминах “или-или”, и в соответствии с этим социологические теории, как правило, характеризуются с точки зрения предлагаемых ими акцентов либо на деятельности, либо на структуре (см., к примеру [2, с.7–8]).

В социологии от О.Конта до Э.Дюркгейма традиционно утверждалось, что социальные взаимодействия можно понять и оценить с точки зрения социальной системы, ее законов, потребностей и институтов. Вместе с тем, интерпретация фактов социального взаимодействия в терминах общественных потребностей, а социальных акторов как детерминированных их статусами и ролями, господствовала в социологии относительно непродолжительное время. Такая концепция существования человека как, по сути, “социального животного” стала продуктом, отражением реально происшедшего в эпоху индустриализации разрушения механической солидарности, замещения “общности” “обществом”, социального предписания достижением, расцвета анонимных, обезличенных связей, доминации социальных институтов над человеком. Это соотносилось с процессом модернизации как западных, так и восточноевропейских обществ. Данный процесс основывался не просто на рациональности, но на острой оппозиции между категориями *рационального* и *не-рационального*, на допущении того, что рациональные категории способны задать направление социальной модернизации, аккумулировать ресурсы и освободить социальную жизнь от традиционных, иррациональных и консервативных сил. Это тот тип модернизации, который ярко проявил себя в советском обществе и определился в оппозиции между “высшими” и “низшими” категориями, между будущим и прошлым, рациональным и иррациональным. Такая философия истории привела к утверждению позитивистского взгляда на общество и социальный порядок, к снижению интереса к социальным изменениям как таковым, к их механизмам и акторам — их движущему началу.

Возникшая на этой основе гносеологическая “брешь” между структурой, инструментальной рациональностью и культурной идентичностью в понимании общества, осознание опасности устранения акторов из социальной жизни, порочности стремления полагаться лишь на экономическую рациональность и технологическую инновацию, приняв как данность монополию интеллектуалов и политических лидеров, — все это вызвало, в конце

концов, теоретическую переориентацию в современной социологии на проблемы понимания и интерпретации, *преодоления дуализма структуры и действия*. Призывом к переориентации послужили ставшая широко известной работа П.Бергера и Н.Лукмана “Социальное конструирование реальности” и развернувшееся позже так называемое “новое теоретическое движение” (анализ, в частности, представлен в статьях В.Танчера, Дж.Ритцера, Н.Уили в сборнике [3]). В данной переориентации нашли отражение качественные изменения современных обществ, их стремление к солидарным общностям, коллективной моральности в сочетании с ростом индивидуализма и рациональности. В этом контексте вполне оправданы теоретические усилия в направлении пересмотра теории рациональности и теории действия как влиятельнейших теоретических построений в современной социологии. Лейтмотивом такого пересмотра является допущение большей меры волюнтаризма, субъективной свободы действия.

Мы считаем, что понимание дилеммы “действие *versus* структура”, предполагающее понимание активных свойств социального пространства, может быть достигнуто в рамках диалектического подхода, берущего за основу не дуализм (как противоположность), а *дуальность* (как взаимодополнительность), диалектику структуры и действия в определении социального мира. Такие представления способны “связать” сложные теории социального действия, субъекта и структуры и, с нашей точки зрения, определяют рамки деятельностно-структурной парадигмы в социологии. Мы присоединяемся к мысли С.А.Макеева о том, что “сближение структуры и действия... имеет ближайшим своим следствием формирование некоего нового теоретического единства “структуры-действия” как отражения неразрывности пространственно-временных характеристик конструкции социальной реальности” [4, с.48].

В развитии деятельностно-структурной парадигмы, с нашей точки зрения, особый интерес представляют идеи К.Маркса о категории социальной практики, которая снимает противоположность объективной и субъективной сторон социальной реальности, теория “социального действия” М.Вебера и “волюнтаристическая теория действия” Т.Парсонса, а также работы Дж.Александера, М.Арчер, П.Бурдье, Э.Гидденса, Н.Лумана, Дж.Ритцера, П.Штомпки [5] и ряда других авторов. Несмотря на то, что в доминирующих социологических концепциях в рамках деятельностно-структурного синтеза отсутствует согласие в отношении механизмов достижения дуальности структуры и действия, их сущности, механизмов их совместного влияния на процессы общественных изменений, названные подходы, несомненно, имеют общие черты. И прежде всего их объединяет представление о том, что социальная реальность структурирована, во-первых, со стороны социальных отношений, объективированных в распределении правил, ценностей, разнообразных ресурсов как материального, так и нематериального характера, и доступа к ним; и во-вторых, со стороны представлений людей о данных отношениях, ресурсах и своих возможностях. Таким образом, наряду с детерминацией, обусловленной объективными структурами, производимыми в социальных практиках людей, в анализ вводится детерминация, обусловленная действующими субъектами, социальными акторами и, в терминологии П.Бурдье, их схемами восприятия мира и собственных практик. Эта диалектика структур и действий, как отмечает П.Бурдье, “эквивалентна диалектике объективных и инкорпорированных структур, что совершается в любом практическом действии” [6, с.70].

Названные концепции основываются на общей идее неоклассического синтеза социологии как “волютаристической теории действия”, высказанной Т.Парсонсом в 1937 году [7]. Эта идея будет нами рассмотрена как стартовая позиция деятельностно-структурного теоретического синтеза. Кроме того, в отличие от концепции “структуриации” Э.Гидденса, возникающие при этом структуру и культуру общества мы *не* представляем в качестве только рутинных продуктов действия. Действие — это не только мгновенное проявление структуральных свойств, а кроме того — и прежде всего — выражение интенционального стремления социальных акторов к свободе, отражающего и определяющего структурно-культурные свойства актора и его социального окружения. В отличие от концепции Н.Лумана — “социальной системы” как продукта самореференции и аутопоэзиса, а также концепций П.Штомпки — “социального становления” — и М.Арчер — “социального становления как продукта двойного морфогенезиса”, — мы подчеркиваем не столько направленное на воспроизводство, сколько преобразующее, конструктивистское значение структурно-деятельностной дуальности.

Свобода и рациональность как интенции социального действия

Действие — это один из модусов социального бытия. Т.Парсонс в своей целостной социологической теории действия, по замечанию В.Королько и В.Танчера, поставил себе целью “преодолеть односторонность как позитивистской, так и идеалистической теорий действия” [8]. Важнейшей его заслугой, с нашей точки зрения, является сформулированное (хотя и не реализованное) стремление к пониманию действия в контексте социальной свободы, что акцентировало важность теоретического освоения плюрализированных, дифференцированных областей социального мира. Таким образом, Т.Парсонс переопределил вопрос о механизмах и следствиях социальных действий, который бесконечно поднимался до него философской мыслью и был концептуализирован в социологии М.Вебера. В современной интерпретации А.Турэна данный вопрос звучит следующим образом: “Как могу я, как можем мы быть акторами и создавать автономные социальные пространства между глобализированной экономикой и культурами общностей?” [9, с.135]. Данная формулировка отражает новые явления современного мира, связанные с тенденциями “постмодернизации” современных обществ.

“Волютаристическая теория действия” Т.Парсонса опирается на конструкт интеллектуальной традиции, идущей от Т.Гоббса и развиваемой в философских трудах Б.Спинозы, Ш.-Л.Монтескье, И.Гердера, И.Канта, А.Смита, О.Конта, М.Вебера и др. Следуя данной традиции, Т.Парсонс вводит спинозовский принцип “*causa libera*” и акцентирует внимание на вопросе о том, как возможен социальный порядок, если он допускает человеческие действия, направленные исключительно на максимизацию индивидуальных выгод. Это есть *вызов* теории социального действия и рациональности М.Вебера. Однако вызов, который не отрицает в главном веберовскую концептуализацию, но предлагает существенное углубление последней через переинтерпретацию рациональности и допущение принципа свободы выбора. Т.Парсонс использует веберовскую дихотомию поведения и социального действия, понимание *социального действия* как такого поведения, которое имеет субъективное значение для действующего агента, соотносится с действиями других людей и ориентируется на них.

Когда М.Вебер говорит об ориентированности социальных действий людей на их представления о существовании легитимного порядка, он, тем самым, переводит обсуждение в плоскость проблемы действия/структуры, намечая возможность ее диалектического разрешения: действия определяются легитимным порядком, а структуры значимы в той мере, в какой они определяют реальное поведение людей. “Субъективное значение” всегда конкретно, а понимание его смысла может быть размещено в рамках категориального поля “рациональность–свобода”. С нашей точки зрения, данное смысловое поле включает в себе сущностную смысловую нагрузку понятия социального действия. Другими словами, социальными действиями являются такие действия, которые свободны, рациональны и ориентированы (в своих целях либо следствиях) на других. Именно такие действия не просто воспроизводят существующий порядок вещей, но способны производить новые формы социальной реальности. Однако в такой интерпретации социального действия содержится и существенный момент, вызывающий неудовлетворенность ее познавательными возможностями.

В веберовской концепции социального действия вызывает возражение, прежде всего, специфическая интерпретация рациональности, встроенная М.Вебером в классификацию типов социального действия по уровням субъективного осознания его значений. М.Вебер объясняет, что согласно его методологическому подходу, субъективная свобода является функцией рациональных намерений актора, решений, которые не детерминированы аффектами [10, с.629–630, 514–518]. Несмотря на то, что М.Вебер отмечает множественность значений понятия свободы (в частности, показывает, что мимолетное осознание может быть рассмотрено как определенная разновидность свободы, ассоциированной с неинструментальными способами действия), ключевой в понимании веберовского подхода в данном вопросе является трактовка ценностно-рационального действия. Этот тип социального действия М.Вебер описывает как действие, совершенное ради самого себя, как менее рациональное и, следовательно, менее свободное, чем инструментально-рациональное действие [10, с.629]. То есть, только те действия, которые возникают из потребности преследовать некоторую цель в соответствии с *принципами максимальной полезности*, согласно М.Веберу, могут быть оценены как максимально рациональные, а значит — как максимально свободные. Таким образом, по М.Веберу, субъективная свобода проявляется в целенаправленных, инструментально-рациональных действиях. Это, с нашей точки зрения, — фокус веберовского понимания рациональности, содержащий в себе ограниченность данной интерпретации социального действия и вводящий принцип дискриминации в отношении реального многообразия социального действия, что, собственно, является выражением интенционального стремления к расширению, утверждению свободы.

Так, к примеру, выполнение за более короткий срок производственного плана в условиях административно-командной экономики следует рассматривать как проявление инструментально-рационального действия, нацеленного на максимизацию прибыли; вместе с тем, такое действие может быть выполнено в соответствии с определенной сложившейся традицией, предполагающей, например, изначально занижение плановых показателей и ориентацию на определенные демонстративные эффекты, а может быть результатом диктата власти. Однако, по Веберу, в любом случае, данный тип социального действия коллективного субъекта будет рассматриваться

как инструментально-рациональное действие, поскольку оно направлено на максимизацию коллективной выгоды, а значит — как максимально свободное. С другой стороны, широко распространенные формы “традиционного голосования”, когда избиратель делает выбор, придерживаясь некоторой традиции политических предпочтений (к примеру, широко известные в нашем обществе формы голосования за кандидата только в силу того, что он является “коммунистом”, либо — “не коммунистом”), по Веберу, следует оценить как нерациональные, а значит, несвободные проявления социального действия. Если следовать данной теоретической логике, то в повседневной жизни свобода социального действия (в веберовском понимании) в принципе отсутствует, поскольку действия так или иначе детерминированы социальными институтами (легитимным порядком); некоторой свободой социального действия могут обладать исключительно политические (бюрократические) элиты и социальные лидеры в широком смысле данного слова, возвышающиеся над социальными институтами, то есть те, чьи действия (их цели) объективно могут совпадать с личностно осознанными смыслами. Другими словами, в подавляющем большинстве случаев рациональность действия (в веберовской интерпретации), по сути, является псевдорациональностью, поскольку видимая индивидуальная рациональность определяется рациональностью возвышающихся организационных структур.

Именно по поводу данного ключевого положения М.Вебера и возникает неудовлетворенность и стремление преодолеть веберовские рамки понимания рациональности через допущение (по выражению одного из влиятельных теоретиков в современной социологии Д.Левина) “большей свободы” [11]. В основе такого допущения лежит философская традиция понимания субъективной свободы как свободы воли, выбора. Перспективным в этом контексте с нашей точки зрения, будет использование идеи Гегеля о разграничении воли и свободы *в себе* и *для себя* как потенциального, формального и сущего. Как известно, Гегель полагал, что свобода как *воля для себя* достигается через созидание человеком самого себя, самоуглубление и преодоление своих пределов посредством обращения к разумному или же к тому, что соответствует понятиям нравственности как таковой [12]. Однако, с нашей точки зрения выводимая отсюда диалектика возможных форм социального действия отражает не столько меру рациональности (как целесоознанности) различных его типов, сколько меру самораскрытия богатства сил человеческой личности или социальной общности, которое отнюдь не ограничивается рациональностью в веберовской интерпретации.

Кроме того, в философии таких разных социальных теоретиков, как И.Кант, Ф.Шеллинг, К.Маркс, Г.Зиммель и др., аргументированно представлена противоположная Веберовой точка зрения, согласно которой инструментально-рациональное действие как средство удовлетворения потребностей по своей сути является несвободным — или, по крайней мере, менее свободным, чем другие виды действия. Так, в кантовской философии отношение между ценностно-рациональным и инструментально-рациональным трактуется применительно к свободе противоположно веберовской версии данных отношений. Для И.Канта человек действительно свободен только тогда, когда практикуемый им вид ценностной рациональности вовлечен в создание “категорических императивов” [13]. Инструментальная же рациональность, по логике И.Канта, может производить только гипотетические императивы. Опираясь на данную мысль, мы можем утверж-

дать, что все люди имеют право выбирать свои действия (в силу “категорических императивов”); эта свобода дана им от природы, и, таким образом, *любое действие, связанное с выбором, будучи выражением следующей долгу воли, должно быть расценено как свободное*. Это — “первое” расширение понимания рациональности действия. А из этого утверждения следует вывод о том, что любые действия (не только целеориентированные, инструментальные), за которыми стоят субъективные выборы и те или иные моральные категории, являются свободными, рациональными и должны быть значимы с точки зрения понимания социальной динамики.

Человеческий опыт пронизан смыслом моральных требований, которые ни из чего не вытекают, но просто есть, даны человеку в ряду прочих глубинных эмоциональных диспозиций, сформировавшихся в процессе человеческой эволюции от древних коллективных принципов совместной жизни. Это — субъективно интериоризованная, длительно существующая, воспроизводимая *моральная социальная практика, лежащая в основе архетипов социального существования* и определяющая специфический мир социального действия, который может отличаться, и существенно, от мира, определяемого природными, по Канту, чувственными факторами действия. Историческое развитие человеческой индивидуальности сопровождалось не только перенесением ответственности от группы на индивида, но также смещением моральной (нормативной) мотивации от объективного идеала в область свободного сознания акторов. Именно поэтому мы можем рассматривать нормативное измерение социального действия как проистекающее в равной мере и от общественной потребности в утверждении норм, и от индивидуальной внутренней потребности в уважении, почитании смысла моральных требований. Социальные действия, утверждающие моральные требования, созидают, тем самым, интегративные области притяжения социума и являются важнейшим механизмом структурирования социального пространства.

Именно Т.Парсонсу в работе “Структура социального действия” удалось сделать серьезный шаг по преодолению веберовских ограничений социального действия, акцентировать внимание на субъективности процесса принятия решений, стихийном рационализме действия и произвести синтез инструментально-рациональных и нормативных его измерений. В социологической концепции Т.Парсонса социальное действие в развернутом виде характеризуется совокупностью следующих черт [14]:

- действие субъективно, так как оно касается внутреннего для социального актора духовного процесса, в котором обнаруживают свое значение когнитивные, эмоционально-катектические и моральные ценности, а его предметом являются феномены, представляемые с точки зрения действующего актора;
- действие объективно и рационально, поскольку оно ориентировано на инструментальные ценности (как ситуативно-производные от обозначенных выше ценностей), осуществляется в функциональных парадигмах систем “организма”, “личности”, социальных и культурных систем и, тем самым, способствует выживанию общества как системы;
- действие, вместе с тем, нерационально, так как оно всегда является выбором между альтернативами;
- действие символично, поскольку содержит в себе синтез нормативных и мотивационных измерений;

– действие системно и, кроме того, имеет временное измерение, которое отражает процесс достижения, реализации цели.

Таким образом, Т.Парсонс обозначает существенные “нерациональные” измерения действия, аспект его реальной “стихийности”. Однако данную теоретическую попытку считать завершенной все же нельзя, поскольку, несмотря на высказанные намерения, Т.Парсонсу не удалось преодолеть в своей целостной теории рамки инструментально-нормативного рационализма. Однако именно он смог обратить внимание последующих теоретиков на данную гносеологическую проблему, которую Д.Левин ярко определил фразой “возвращая волюнтаризм в волюнтаристическую теорию действия” [11].

Мы считаем, что развитие представлений о социальном действии как одном из модусов социального производства общества должно идти в направлении расширения представлений о действии как выражении свободы. И в этом нам могут существенно помочь некоторые положения, выдвинутые И.Кантом.

Идея И.Канта о том, что люди достигают настоящего достоинства только через практикуемые виды свободы, природа которой трансцендентна [13, с.294], стала лейтмотивом работ многих философов и социальных теоретиков, которые обычно ассоциируются с направлением немецкого идеализма. В ряде работ были развернуты кантовские идеи действия как выражения свободы, существенные, с нашей точки зрения, для понимания специфических проявлений рациональности социального действия. Так, Г.Зиммель, следуя за кантовским радикальным разграничением области природной необходимости, возникающей от “принуждения импульсами чувственности”, и области свободы, также проводит четкую линию между природными, “чувственными” причинами социальных действий, человеческого поведения и причинами, основывающимися на ценностном суждении. В работе, посвященной анализу форм культуры, Г.Зиммель рассматривает процесс, который он назвал “великой трансформацией”, или “поворотом” [15]: процесс, в котором формы, изначально созданные для удовлетворения практических потребностей (утилитарные формы), становятся предметами, культивируемыми ради них самих, как-то поэтические, вокальные рифмы и гармонии и др. В данных формах происходит слияние материального и духовного при доминирующем значении последнего и, тем самым, возвышение человеческого духа через актуализацию постматериальных потребностей и соответствующих действий. Г.Зиммель описывает этот процесс как “великую эмансипацию” человека от практических потребностей, от инструментальных целей действия. Призма Зиммелевой концепции, с нашей точки зрения, особенно ярко фокусирует внимание на том, откуда вырастает рационально-внерациональный дуализм конструкции социального действия. Такие действия “вне цели”, *действия для себя*, в основе которых лежат сложные интеллектуально-нравственные, интеллектуально-эстетические потребности, становятся важнейшим проявлением сущности человека, еще одним специфическим расширением рациональности, еще одной конструкцией социального действия.

Наконец, развивая тезис о специфических проявлениях рациональности в формах действия “вне цели”, мы обращаемся к смыслу игры. Платон, восхищенный удивительными свойствами игрового феномена, в трактате “Законы” провозглашал: “Надо жить играя”. Идея игровой сущности человека, деятельности и культуры просматривается в философии И.Канта,

развивается Ф.Шиллером, Х.-Г.Гадамером, Й.Хейзингой, З.Фрейдом, Г.Клаусом, С.Л.Рубинштейном [16; 17] и др. Конструктивное значение игровой формы заключается в том, что игра отражает способность человека выйти за рамки обыденности, оторваться от привычного и стандартного, расторгнуться в иллюзорности пространственно-временных характеристик жизнедеятельности. В несовершенном мире, отягощенном культурно-институциональными образованиями, выполняющими охранительную функцию, игра создает ограниченное совершенство и дает ощущение свободы. Иллюзии, повторяясь в игровой форме, способны завязывать новые духовные и социальные связи, переходить в формы нового социального порядка. Игровые действия содержат в себе раздвоенность материального и идеального, рационального и иррационального. Рациональность вытекает из правил, которых придерживается играющий, и осознания их условности. Реальное здесь сливается с иллюзорным, однако сами игровые действия возможны только тогда, когда “условности” являются “серьезными”. Об этом очень хорошо писал Х.-Г.Гадамер, отмечая, что можно играть только серьезными возможностями, когда играющий погружается в процесс игры [17]. Это означает установление в процессе игры такого рода отношений, когда процесс игры как бы “переигрывает” играющего и, тем самым, может воплотиться через преобразование целевых установок действия в задачи игры. Рациональность игровых действий связана также с осуществлением в них стремления к риску и его преодолению — преодолению вероятности нежелательных последствий, социальных потерь в ситуациях неопределенности действия, одним словом, возможных ограничений в осуществлении желаемых событий. Такой риск воплощает суть “человека играющего”; это проясняет смысл преобразования существующих социальных отношений и форм и задает способ самопроизводства общества.

Таким образом, *социальные действия как выражение стремления актора к свободе и рационализации данного стремления* мы предлагаем рассматривать не только с точки зрения инструментальной рациональности, но также с точки зрения “моральных” и “внецелевых” измерений — *действий для себя* и игровых действий (см. рисунок).

Действие, будучи продуктом специфического человеческого бытия, с неизбежностью отражает его сложную индивидуально-социальную природу и приобретает соответствующую ей двойственную характеристику. Раскрытию данной двойственности помогает обращение к логике анализа К.Марксом труда как аналитической единицы социально-экономических отношений. По своей природе социальное действие также может быть рассмотрено с точки зрения его конкретных и абстрактных проявлений.

Действие *конкретное* отражает субъективные смыслы действующего актора, его субъективное стремление реализовать свободу. Субъективная составляющая конкретного действия определяется биопсихическими и социокультурными особенностями его (личностной/групповой) индивидуальности, мерой раскрытия его *самости* в соответствующих интересах и потребностях. Объективную сторону составляют структурно-культурные факторы действия, коллективно-структурированные контексты окружения, проявляющиеся в совокупности разнообразных ресурсов, которыми социальный актор обладает либо на которые он ориентирован. Продукты конкретного действия всегда, так или иначе, имеют субъективное значение для действующего актора и оцениваются именно с этой точки зрения.

Типы социального действия				
	1	2	3	4
I. Конструкты рациональности	Инструментальные	Моральные	Интеллектуально-чувственные (действия для себя)	Игровые
II. Социальные практики расширения свободы	Рационализация целей и их достижение	Утверждение моральных требований	Актуализация высших чувств, творчества	Утверждение “невозможного”, риск
III. Социальные продукты	Формы материальных, символических, культурных, социальных благ	Категории морали, их дискурс и нормативная практика	Формы интеллектуального, эстетического, коммуникативного творчества	Формы “рисковых” достижений
IV. Типы возникающих структур	Структуры ресурсов и отношений	Структуры ценностей и норм	Структуры стилей (как единства интеллектуально-чувственных аспектов действий)	Структуры рисков

Рисунок. Типологические характеристики социального действия

Действие *абстрактное* отражает те общественные отношения, в которые вовлекается действующий актер и которые он производит и воспроизводит. “Рамками” и продуктом абстрактного действия являются, с одной стороны, реализуемое стремление акторов себя социально идентифицировать, определить и утвердить свое место в системе общественных связей и отношений, а с другой стороны, существующие и возникающие формы социальной структуры и культуры, которые объективируются и приобретают общественное значение. Нередко, и даже чаще всего они являются непреднамеренными, скрытыми последствиями человеческих действий. Однако будучи произведены, в конечном счете, они конституируют общество.

В двойственности социального действия находят воплощение вечная борьба индивидуального и общественного, стихийного и целесообразного, борьба за преодоление ограничений свободы и постоянное воспроизводство ограничений. *Мера между свободной причиной действия, Спинозовской “causa libera” и внешними импульсами определяет имманентный либо отчужденный характер социального действия.* Если действие не является внутренне мотивированным, а определяется исключительно внешними факторами, такое отчужденное действие определяет нецелостные, иллюзорные формы бытия.

Кроме того, в процессе осуществления социального действия как результат его, то есть в результате самодвижения социального содержания действия может происходить отделение содержания действия от его формы и результатов, отчуждение акторов от результатов их действия, разделение конкретной и абстрактной его сторон. Это разделение, отчуждение актора от произведенных им субъективных значений действия — глубокий источник социальных неравенств и, в то же время, отражение ранее произведенных, институционализованных социальных неравенств. Фактическое разделение конкретной и абстрактной сторон социального действия объясняет ситуации, в которых ориентированные на уравнилельно-рас-

пределительные формы общественных отношений индивиды своими социальными действиями производят обратный общественный продукт: объективно способствуют развитию рыночных общественных изменений, а их действия становятся необходимой нитью в ткани рыночных отношений обмена, потребления и распределения. Именно поэтому сочетание конкретной и абстрактной сторон социального действия позволяет определять действующих акторов как агентов трансформационного процесса.

Дуальность действия и структуры/культуры

Социальные действия, по определению, всегда ориентированы на “других” и в силу человеческой природы имеют тенденцию приобретать характер упорядоченных взаимодействий. Более или менее упорядоченные социальные взаимодействия, локализованные в пространстве и времени, приобретают характер социальной практики. В специфическом стремлении к упорядоченным практикам реализуется индивидуальность социального актора, его социальная сила, которая искривляет социальное пространство и, сталкиваясь с воздействиями других акторов, формирует в нем области притяжения. Новые области притяжения, или упорядоченность, устойчивость, когерентность, которые возникают в процессе социального взаимодействия, закрепляют во времени и пространстве доминацию точек пересечения индивидуальности определенных социальных акторов. Такая упорядоченность выражает статическую форму действия, его как бы “застывший” во времени и распределенный в пространстве момент, который и определяет социальную структуру (см. рисунок).

Однако автокаталитические механизмы, усиливая определенные индивидуальные реакции-ожидания, усиливают также системы собственных интересов социальных акторов. В процессах социальных взаимодействий обнаруживается неравномерность доступных ресурсов конкретного действия, систем правил и ожиданий, моральной практики, обнаруживается различие жизненных шансов, их ограничений, рисков их достижения. Рационализация социальных взаимодействий ведет к производству новой системы распределения ресурсов и возникающих по этому поводу социальных отношений, в которых неравновесность воспроизводится в новых формах. Новые моральные практики, возникающие стили и риски также изменяют контуры пространственно-временных локальностей, формируют собственные области притяжения социального пространства. Возникающая социальная практика стремится быть реализованной в той или иной форме иерархии. Приобретая устойчивость и упорядоченность, она образует социальные структуры. А в явлении (и категории) социальной практики воплощается (и отражается) диалектика действия и структуры.

Важнейшим вкладом Т.Парсонса в исследование социального действия является акцент на взаимозависимости действия и структуры. Т.Парсонс обращает внимание на то, что “человеческое действие является “культурным” в том плане, что смыслы и намерения действий выражаются в терминах символических систем”, а содержание действия образуют структуры и процессы [18, с.94]. Ценности, нормы, коллективные организации и роли, под влиянием которых актор принимает субъективное решение в отношении действия, отражают в теории Т.Парсонса то, что можно переформулировать в терминах структуры и культуры; при этом культура выступает одной из категорий структуры либо совпадает с ней.

Однако в социологии парсонсовской традиции термин “структура” стал использоваться аналогично дюркгеймовскому, а также характерному для классического структурализма в социологии пониманию структуры, как, прежде всего, *принуждения*, то есть применяется для обозначения распределения ресурсов/возможностей и принуждений/рисков внутри социальной системы или между позициями акторов (это, кстати, один из аргументов, объясняющих нереализованность намерения Т.Парсонса акцентировать стихийную сторону действия). На данный аспект социальной структуры обращает внимание С.А.Макеев, определяя ее как “принуждение воспроизводить системные элементы посредством формирования соответствующего целерационального и ценностно ориентированного поведения индивидов” [4, с.46]. В таком проявлении структуры представлены преимущественно *внешние, устойчивые факторы, принуждающие по отношению к социальному актору*. Однако во “внешних” проявлениях структуры мы можем выделить, наряду с тем, и непредвиденные, случайные ресурсы и вненормативные принуждения, внеинституциональные позиции, имеющие некоторую определенность безотносительно к социальной системе и определяющие социальные действия.

Мы хотим показать, что внешняя, принуждающая сторона структур с неизбежностью оборачивается в свою противоположность и формирует внутреннее, стимулирующее их содержание. *Внешние структуры, ограничивая свободу индивидов, рождают бессознательное либо осознаваемое стремление социальных акторов к преодолению либо переутверждению структур. Данное стремление, будучи вызвано внешними структурными факторами и становясь осознанным, превращается во внутренний стимул социального действия*, в чем выражается прорыв спонтанности в область целесообразного, дополнение внешних импульсов “*causa libera*”.

Таким образом, ресурсы и отношения, нормы и ценности, стили и риски являются определяющими моментами, которые вызывают и структурируют социальные действия и воздействуют на акторов в их расположении в структурах и восприятии структур, ограничивают и стимулируют социальные действия, утверждают системы неравенств. И в то же время, сами эти определяющие моменты конституируются в социальных практиках акторов. Будучи институционализированны, структуры становятся не только внешним фактором принуждения, но и важным ресурсом инструментальных, моральных, интеллектуально-чувственных и игровых социальных действий, важнейшим фактором социальной силы акторов. Именно в социальных практиках как устойчивых, упорядоченных во времени и пространстве социальных действиях мы обнаруживаем ограничения структуры, интерпретируем их, стремимся их преодолеть либо переутвердить и формируем новые ограничения, которые благодаря нашим же действиям приобретают устойчивые формы.

Стимулирующий эффект структуры является результатом не только инверсии ее внешней по отношению к актору обусловленности. Интериоризованные структуры субъективируются сквозь призму архетипов сознания, моральных категорий, индивидуальных восприятий и пониманий свободы и рациональности. Таким образом, субъективно интериоризованная, длительно существующая, воспроизводимая моральная социальная практика выступает важнейшей *скрытой формой структуры*. Категории “священного” (в понимании Р.Нисбета), должного, реализуемые сквозь призму

устойчивых верований, убеждений, ценностей и установок, отражающих понимание справедливости как определенной соразмерности в действиях людей, накладывают моральный запрет на одни формы действий и стимулируют другие. *Моральная социальная практика соединяет структуру и действие в субъективно обособленную неразделенность.*

И внешняя, и внутренняя обособанность неразделенности действия и структуры, вместе с тем, не исключают того, что акторы могут терять контроль над структурными условиями действия по мере их развертывания во времени и пространстве. Последнее усиливает момент неопределенности социального действия, что не является, однако, неизбежным.

В самом общем смысле область значений, которые проявляются и воспринимаются в действиях и структуре, можно определить понятием *культуры*. Не предпринимая попытки анализа столь многогранного феномена, как культура, подчеркнем, что термин “культура” в наиболее общем социологическом значении допустимо трактовать как отражающий универсум значений, который включает такие принципиальные компоненты, как идентификация/дифференциация, когнитивный код, ценности и нормы. Условием культуры, или возникновения значений всегда служит свершение актов действия, которые сами по себе не обязательно являются ценностными, но могут также представлять собой то, что И.Кант, а следом за ним и Г.Зиммель называли “бесконечными ценностями”, или “бесцельными целями”. Таким образом, культуру можно рассматривать как еще одну важнейшую призму дуальности структуры и действия.

В данном смысле все три явления — структура, культура, действие — неделимы и в своем единстве, воплощаемом в социальных практиках, отражают специфику человеческой *самости*, возможность человека быть *дейтелем, актором, агентом* социальных изменений и стабильности. *В единстве и многообразии взаимных проявлений действия, структуры и культуры мы видим сущность активных свойств социального пространства и механизм синергетического движения общества, в том числе его самопроизводства в период трансформации.* В данной триаде именно действию принадлежит ключевая роль как “первому среди равных” фактору самопроизводства общества. *Действие* — это родовой термин, отражающий специфику человеческой *самости*, его рефлексивную, намеренную, продвигающую и творческую природу, проявляющуюся в коллективно-структурированных, а следовательно, неравных контекстах окружения. Именно социальное действие как выражение осознаваемого либо неосознанного стремления к свободе, преодолению или утверждению структурных ограничений является ведущим механизмом социального производства и воспроизводства.

Акцент на факторе действия не означает рефлексивной атомизации общества, но подчеркивает иной взгляд на механизмы солидарности и изменений — взгляд сквозь призму множественной человеческой *самости*, заключенной в культуре, социальной структуре и способности к действию. Ненамеренными следствиями действия социальных акторов становятся производимые ими структуры солидарностей и неравенств, которые не только конституируют социальное пространство, *производят общество*, но и становятся фактором ограничения свободы (*других*), фактором появления новых социальных акторов, фактором постоянно возникающих изменений. Социальные акторы являются всегда субъектами действия. Однако они отнюдь не обязательно выступают *социальным субъектом* (и чаще

всего как раз *не* выступают) — или, иными словами, субъектом исторического процесса, преследующего цели сознательного влияния на общество. “Социальный актор” — это более широкое понятие, и именно поэтому мы предпочитаем его употреблять в анализе процессов самопроизводства общества. Действия социальных акторов чаще всего не подразумевают сознательное влияние на ход исторического процесса и в этом смысле не являются целе-ценностными. Однако выборы больших общностей людей в ситуациях повседневности оказываются решающими для социальной стабильности и процессов изменений. Сам же выбор не детерминируется жесткими нормативно-целевыми рамками, а определяется более “свободно”: набором временных задач, социетальной, моральной легитимацией, имеющимися поддержками (в том числе и культурными), наконец, самодетерминацией.

Кроме того, различные люди имеют различные степени “дискурсивного понимания”, распознавания ситуаций, их практического знания или неосознанного незнания, что существенно влияет на социальные действия. Более того, люди не должны и не могут достигать “дискурсивного понимания” многих неопределенных условий действия. Вместе с тем, знания-представления акторов, их моральные социальные практики различаются в соответствии с их структурной позицией, и некоторые акторы имеют искаженное, дефицитное знание, в том числе нарушенное под влиянием культурных манипуляций со стороны *других*. Таким образом, структурные и культурные факторы только влияют на акторов через формирование ситуаций, определяя и распределяя личную заинтересованность в поддержке различных социальных выборов. Они не предопределяют действия, а скорее поставляют причины для того или иного курса действия в отношении тех или иных проблем-ситуаций. Для того, чтобы социальное действие состоялось, необходимо, чтобы рефлексирующий актор оценил данную проблему-ситуацию, принял ее и решил, что с этим делать. Данный процесс в различных ситуациях происходит в пределах некоторых структурно-культурных ограничений, а точнее — их восприятия, которое вполне может быть неадекватным. Таким образом, специфика восприятия структурно-культурного контекста действия может выводить социальных акторов за пределы его возможного познания, а значит, и за пределы его пространственно-временных ограничений, что вновь рождает неопределенность действия.

Неопределенность условий действия — одна из главных проблем общества и один из значимых факторов социального действия. Неопределенность становится бременем современных социальных акторов, вовлеченных в процессы быстрых социальных изменений и риски, именно тогда, когда на них возлагается ответственность за все текущие черты общества. И скидка на унаследованные структуры, их сопротивление изменениям, влияние, которое они оказывают на установки к изменениям, оказывается излишней. Однако неопределенность условий действия не следует понимать как абсолютный фактор, препятствующий культивации желаемых социальных форм, социальному конструированию. Социальный актор в своих социальных практиках способен к поиску изменений, нахождению оптимальных комбинаций действия, структуры и культуры, к расширению и утверждению свободы. И именно в этой способности можно усматривать определенность перспектив движения общества. Деятельностно-структурная реальность во внутренне присущем ей единстве существует в различных перестановках, разнообразных “смесях” деятельностных, структурных

и культурных составляющих, воплощающих активные свойства общественного пространства, формирующих его социальные силы и, в свою очередь, воплощающихся в социальных акторах, которые в своих социальных практиках производят, утверждают и изменяют социальную реальность.

Литература

1. Энгельс — В.Боргиусу. 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. — М., 1987. — Т.6. — С. 530–532.
2. The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by G.Marshall. — Oxford; New York, 1996.
3. Социологическая теория сегодня: Сборник статей американских и украинских теоретиков / Под ред. В.Танчера. — К., 1994.
4. *Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В.* Социальные идентификации и идентичности. — К., 1996.
5. *Alexander J.* Action and Its Environments. — New York, 1988; *Archer M.* Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. — Cambridge, 1995; *Bourdieu P.* The Logic of Practice. — Cambridge, 1990; *Бурдьё П.* Начала. — М., 1994; *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. — М., 1990. — С. 602–635, 509–521; *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. — Cambridge, 1984; *Parsons T.* The Structure of Social Action. — New York, 1968; *Путцер Дж.* Макромикро синтез в социологической теории: применение метатеоретического инструментария // Социологическая теория сегодня... — С. 68–86; *Sztompka P.* Society in Action: The Theory of Social Becoming. — Cambridge, 1991.
6. *Бурдьё П.* Начала. — М., 1994.
7. *Parsons T.* The Structure of Social Action. — New York, 1968.
8. *Королько В., Танчер В.* Неофункционализм // Социологическая теория сегодня... — С. 113.
9. *Touraine A.* Sociology without Society // Current Sociology. — 1998 (April). — Vol.46 (2). — P. 119–143.
10. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. — М., 1990. — С. 629–630, 514–518.
11. *Levin D.N.* Putting Voluntarism Back into a Voluntaristic Theory of Action / Paper presented at the XIV World Congress of Sociology, Session 13. — Montreal, 1998.
12. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М., 1990. — С. 76–77, 80–81.
13. *Кант И.* Критика чистого разума. — Симферополь, 1998. — С. 294, 300–305, 417–424.
14. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И.Добренькова. — М., 1994. — С. 448–464.
15. *Simmel G.* Psychological and Ethnological Studies on Music // Conflict on Modern Culture and Other Essays. — New York, 1968. — P. 98–134.
16. *Шиллер Ф.* Собр. соч. — М., 1957. — Т.6. — С. 530; *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992. — С. 5–240; *Клаус Г.* Философские аспекты теории игры // Вопросы философии. — 1968. — № 8. — С.24–25; *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 588.
17. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М., 1988. — С. 147–148.
18. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993 (Весна). — С. 94–122.